

4. Попова Ж.Г. Психологические аспекты восприятия рекламы потребителем // Маркетинг в России и за рубежом. – М.: Финпресс, 2002. – № 5. – С. 18–27.

5. Чернявская В.Е. Поликодовость коммуникации как объект речеведения // Стереотипность и творчество в тексте. – Вып. 14. – Пермь: Изд-во ПермГУ, 2010. – С. 113–124.

6. Чернявская В.Е. О «логоцентрической гордыне» лингвистов и поликодовой коммуникации // Речеведение: современное состояние и перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею М.Н.Кожинной (Пермь 16-20 ноября 2010 г.). – Пермь, 2010. – С. 141–145.

Дрыгина Ю.А., к.ф.н., доц.
Россия, Белгород, drygina@bsu.edu.ru

Особенности использования неязыковой информации для исследования семантики языковых единиц в свете фреймового подхода

В современной лингвистике весьма плодотворным является антропоцентрический подход к исследованию единиц языка, который предполагает привлечение энциклопедической информации для выявления семантико-синтаксических особенностей языковых единиц. Применение данного подхода к изучению языка предполагает рассмотрение семантико-синтаксических особенностей лексем в корреляции с когнитивными структурами, лежащими в их основе. Общее когнитивное основание – фрейм, стоящее за значениями определенной группы лексем, позволяет объединить достаточно разнородные лексем в одну лексическую категорию.

Исследование, выполненное в рамках антропоцентрической парадигмы с применением методов фреймовой семантики и концептуального анализа, предполагает обязательное рассмотрение неязыковых фактов для успешного моделирования когнитивной модели – фрейма.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере фрейма «управление», репрезентируемого глагольными лексемами современного английского языка.

Фрейм «управление» можно смоделировать на основании концептуального анализа, экстралингвистической информации, анализа лексикографических толкований глаголов управления и фактического материала.

Анализ трактовок феномена управления в философии, социологии, политологии, психологии, экономике, кибернетике, информатике позволил выявить ключевые понятия теории управления – власть, система, субъект, объект, процесс, действие, цель. Данные понятия, являясь неотъемлемыми составляющими стереотипной ситуации управления в реальной действительности, определяют структуру фрейма как когнитивной проекции данной ситуации в сознании человека.

К вершинам фрейма управления, всегда эксплицитно или имплицитно представленным на языковом уровне, мы относим компоненты СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ и ОБЪЕКТ как основные элементы пропозициональной модели. Группу терминальных (не всегда находящихся эксплицитное или имплицитное

выражение на языковом уровне) компонентов, несущих дополнительную информацию относительно ситуации управления, составляют **ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТА, ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА, ЦЕЛЬ, СПОСОБ, СРЕДСТВО, ВРЕМЯ, МЕСТО.**

Анализ энциклопедической информации позволяет также отметить, что действия управляющего представляют собой своеобразный сценарий, включающий в себя такие действия как планирование, организация деятельности, контроль и т.д. Это позволяет включить в корпус исследования большое количество глаголов, не имеющих в своих лексикографических толкованиях значения «управлять», «руководить», но приобретающих его на функциональном уровне. К таким глаголам относятся *appoint, authorize, command, decree, direct, dismiss, instruct, order, motivate, coerce, threaten* и целый ряд других.

Проиллюстрируем особенности приобретения глагольными лексемами значения «управлять» на функциональном уровне. Фактический материал изобилует примерами, в которых в предложении-высказывании сочетаются только лексемы дальней периферии, а о том, что вербализуется фрейм управления, позволяет судить лексическое наполнение предложения (например, объективация компонента СУБЪЕКТ субстантивной лексемой *manager*, ОБЪЕКТ – существительным *employees*), а также синтаксическая структура предложения-высказывания. Например:

If you ask a manager what he does, he will most likely tell you that he plans, organizes, coordinates and controls [1].

People do not like to work, so managers have to control, direct, coerce, and threaten employees to get them to work toward organizational goals [2].

Данные примеры позволяют отметить, что репрезентировать фрейм управления в определённых контекстуальных условиях могут глаголы *plan, coordinate, motivate, guide, correct, coerce, threaten*.

Появление каждого из глаголов в данном списке не случайно. Согласно экстралингвистическим данным, планирование (*plan*) относится к важнейшим функциям управления, этап организации работы предполагает координирование (*coordinate*), направление (*guide*), корректировку (*correct*) действий, а мотивирование (*motivate*), принуждение (*coerce*) или в исключительных случаях запугивание (*threaten*) – к психологическим методам воздействия на управляемого.

Таким образом, привлечение экстралингвистической информации для моделирования фрейма позволяет расширить круг лексем-репрезентантов фрейма «управление», объединив столь разнородные глагольные лексемы в одну лексическую категорию.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Management and organizational behavior classics/ ed. by **M. T. Matteson, J. M. Ivancevich**. – 4th ed. – N. Y. : BPI Irwin. 1989. – 544 p. : ill.

2. Griffin, R. W. Management [Text] / R. W. Griffin. – 3ed. – Boston. : Houghton Mifflin Company, 1990. – 884 p.

Дубровская О.Г., к.ф.н., доц.
Россия, Тюмень, o_dubrovskaya@inbox.ru

Текст как репрезентант культуры (на материале русских и англоязычных видеореклам)

Текст как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [6: 507] все чаще, вслед за Е.С. Кубряковой, понимается как информационно самодостаточное речевое сообщение с ясно оформленным целеполаганием и ориентированное по своему замыслу на своего адресата [5].

В этой связи традиционное понятие текста как линейной, семиотически гомогенной сущности расширяется и под текстом понимается вся совокупность кодов, участвующих в его построении. Ученые исследуют особенности построения и понимания не только художественных текстов, но и семиотически осложненных текстов: креолизованных текстов (работы Е.Е. Анисимовой) и поликодовых текстов (работы А.Г. Сониной).

Так, И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин исследуют художественный текст как «модель некоторого культурологического фрагмента, в котором зафиксированы национально-специфические особенности вербального и невербального поведения того или иного этноса» [7:5]. М.Б. Бергельсон изучает личные и бытовые рассказы и приходит к выводу, что «при всем бесконечном многообразии способов выражения мыслей, которые дает язык его носителю, при всей свободе, которой обладает говорящий в дискурсе по сравнению с жесткостью морфологических и синтаксических правил, формальная организация дискурса в каждой конкретной его точке не случайна..., а мотивирована внешними по отношению к значению языковых единиц факторами» [4:37]. В контрастивной риторике изучаются особенности написания текстов в определенных культурах (арабской, китайской, японской и др.) и выявляются модели (patterns) организации мыслительного пространства средствами определенного языка (работы U. Connor).

Г. Кресс (G. Kress) принадлежит идея о значимом перераспределении функций визуального и вербального кодов. Так, сравнивая технические тексты разных годов, автор обнаруживает важную функцию визуального кода в создании смысла текста – актуализацию смысла, который не имеет вербальное выражение в тексте. Автор отмечает, что изменяется также функция вербального кода в текстах более позднего периода: с упрощением синтаксиса вербальный код не передает сложность технического устройства (сложность становится предметом невербального кода – изображения), он задействован для передачи идеи процесса и действий (You did this, now do that; if you do that)[2].